

А.Д. Куманьков,
аспирант факультета философии Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ В РАБОТАХ М. УОЛЦЕРА

Ставшая настоящей классикой современной политической философии, работа Майкла Уолцера «Справедливые и несправедливые войны: нравственный аргумент с историческими иллюстрациями»¹ вышла в свет в 1977 году. «Справедливые и несправедливые войны» стала знаковой работой, поскольку ее выход обозначил начало эпохи новой актуализации теории справедливой войны, которая, как казалось, давно уже отошла в ведение истории философии. Уолцер же, по-своему интерпретировав и обновив классическую концепцию *bellum justum*, доказывает ограниченность и неприменимость столь популярной в те времена доктрины реализма.

Теория справедливой войны с тех пор превратилась в одну из самых разработанных философских концепций войны. Теоретики справедливой войны ищут принципы, благодаря которым применение силы может быть ограничено, ведение войны станет более гуманным, а итогом ее будет надежный мир, таким образом, развивается идея вооруженной борьбы за мир, часто отвергаемая сторонниками доктрины пацифизма.

Положения, составляющие ядро теории справедливой войны, остаются неизменными, однако смело можно говорить о существовании не одной, а многих теорий справедливой войны, поскольку концептуальные различия между авторами порой оказываются весьма заметными. Нам же интересно было бы проследить, как менялись взгляды и подходы самого Майкла Уолцера, поскольку они с течением времени были пересмотрены.

Работа Уолцера, опубликованная в 1977 г., была в некотором смысле революционной, поскольку к XX в. политический вес теории справедливой войны стал крайне невысоким. Концепция справедливой войны сформировалась в трудах Августина Аврелия. В XVII в. Гроций и Пуфендорф использовали принципы этой теории для концептуализации международного права европейских народов. Но в дальнейшем развитие современного государства и укрепление государственного суверенитета отодвинули идею *bellum justum* на задний план.

Однако в середине XX века кризис государства, кризис международных отношений, а, кроме того, непопулярная и проигранная Соединенными Штатами война во Вьетнаме, создали условия для появления дискурса справедливости, который до сих пор остается ключевым в политической философии. Именно в это время появилась необходимость выработки критической нормативной теории войны, которая анализировала бы одновременно как условия начала войны, так и принципы ведения боевых действий.

---

¹ Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration. Basic Books. 1977.

В это же время в США к своему закату приходит философия логического позитивизма. Такие мыслители как Х. Патнем¹, Н. Решер² и Р. Рорти³ возвращаются к традиционному американскому прагматизму, к пониманию и использованию эвристического значения доктрины Пирса не только как методологической, но и как мировоззренческой. Подобные изменения создают благоприятную среду для значительного развития этики, которая не воспринимается более как «псевдопроблема», возникающая вследствие неверного использования языка. Развитие нормативной политической философии и появление работ Дж. Ролза и Р. Нозика, посвященных теме справедливости в государстве, предопределило развитие современной концепции справедливой войны.

Теория справедливой войны состоит согласно Уолцеру в следующем: «четко установленные нормы, обычаи, профессиональные коды, правовые постановления, религиозные и философские принципы и обоюдные соглашения, которые формируют нашу оценку ведению войны»⁴. А в сборнике статей «Споря о войне» определяет теорию справедливой войны как, в первую очередь, «идею нравственного подхода к войне как виду человеческой деятельности»⁵. Такой подход к войне предполагает особое отношение к миру. Отвергая пацифистскую доктрину, Уолцер полагает, что в нашем мире «война иногда необходима»⁶, а, следовательно, во-первых, война в некоторых случаях может быть оправдана с точки зрения справедливости и, во-вторых, ведение войны всегда подлежит рассмотрению с точки зрения этики.

Согласно Уолцеру человек по природе своей склонен действовать нравственно, именно поэтому даже на войне не исключается возможность поступать согласно предписаниям этики. Необходимость нравственного действия коренится согласно Уолцеру не внутри самого человека, как это было у Канта, не в разуме, а в некоторых внешних установлениях среды обитания человека. Этическая составляющая теории Уолцера ориентируется в первую очередь на контекстуализм Дж. Дьюи и Р. Рорти. Различая «плотную» этику, исходящую из традиций и институциональных установок каждого народа, и «тонкую» мораль, исходящую из рациональности, претендующую на фундаментальное значение, Уолцер отдает предпочтение первой⁷.

Уолцер, опираясь на этическую доктрину добровольного действия, исследует в работе «Справедливые и несправедливые войны» нравственные ограничения, которые могут быть наложены на военное столкновение, ставит агрессию вне закона, понимая ее как акт не только политически, но и юридически нелегитим-

¹ Putnam H. Pragmatism: An Open Question. Oxford: Blackwell, 1995.

² Rescher N. Methodological Pragmatism: A Systems-Theoretic Approach to the Theory of Knowledge. Basil Blackwell; University Press, 1977

³ Рорти, Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997.

⁴ Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. Basic Books: Perseus Books Group, 2000. p.44

⁵ Walzer M. Arguing about war. Yale University Press. 2004. p. ix

⁶ Walzer M. Arguing about war. p. 3

⁷ Walzer M. Thick and Thin: Moral Argument at Home and Abroad. Notre Dame, 1994.

ный. Агрессивная война трактуется как преступное деяние (criminal act). И только в двух случаях государство имеет право на применение силы: при самообороне, когда государство оказывается жертвой нападения, и правоохранительной войне (war of law enforcement).

Из этого правила может быть сделано лишь одно исключение. В ситуации, когда война ведется с «правительством, подобным нацистскому», можно преступить через необходимость во всех случаях поступать нравственно, поскольку наибольшее зло будет состоять не в отступлении от морали, а в невозможности свергнуть такое правительство. Эту ситуацию применения *jus in bello* характеризуют обстоятельства, которые Уолцер вслед за Уинстоном Черчиллем называет «supreme emergency»¹ – чрезвычайное военное положение. Объявляя Третий рейх «злом, воплощенном в мире», Уолцер заявляет, что в отношении подобного режима нельзя было поступить иначе, кроме как начать бороться с ним силовыми методами и в конце концов уничтожить.

Во всех прочих случаях война может быть оправдана только в тех случаях, когда она оказывается актом защиты права; Уолцер выступает здесь как сторонник легалистской парадигмы. Действительная угроза, а не страх, делает войну обоснованной, поэтому возможны упреждающие удары (pre-emptive strikes), но никак не превентивные войны (preventive war). Все остальные войны: религиозные, революционные, коммерческие, военные интервенции – не могут быть признаны международным сообществом.

Теория справедливой войны, предложенная в таком виде Уолцером не превратилась в неподвижную систему, развиваясь и трансформируясь на протяжении последующих десятилетий. Стоит отметить, что на необходимость внесения изменений в теорию справедливой войны для поддержания степени ее актуальности указал и сам Уолцер: «текущие разногласия, равно как и быстрые темпы политических изменений, время от времени требует ревизии теории»². Вероятно, именно эта идея подвижности взглядов и отказ от догматичности позволяет концепции справедливой войны на протяжении трех с лишним десятилетий оставаться востребованной не только философами, но и политиками.

В одном из последних сборников своих работ – «Споря о войне»³ – Уолцер замечает, что, несмотря на то, что со времен публикации «Справедливые и несправедливые войны», его суждения оставались в достаточной мере последовательными, имела место эволюция во взглядах и аргументации.

В-первую очередь, обратившись к анализу массовых убийств и этнических чисток на Балканах и в ряде стран Африки и Юго-Восточной Азии, Уолцер приходит к выводу о необходимости в рамках миротворческой деятельности международного сообщества как можно решительнее использовать военную интервенцию. Гуманитарная интервенция оправдывается тем, что война ведется ради изменения «режима, который ответственен за негуманность»⁴. Речь не идет о том, чтобы

---

¹ Walzer M. Just and Unjust Wars. p. 251

² Walzer M. Arguing about war. p. xii

³ Walzer M. Arguing about war.

⁴ Walzer M. Arguing about war. p. 19

полностью отказаться от ограничений, накладываемых на военную интервенцию как метод политического действия, но сама вероятность использования ее в качестве возможного варианта кажется теперь Уолцеру вполне допустимой.

Кризис традиционного государства и появление новых политических форм, сходных по смыслу с тем, что обозначают понятием «бастардного феодализма», когда борьбу за власть ведут вооруженные группировки, заставляют Уолцера высказываться также и в пользу долгосрочной военной оккупации. Естественно, это оккупация, соотнесенная с понятием справедливости, которое требует после войны установления режима протектората и попечительства, а также обеспечения условий для национального строительства.

Уолцер развивает и разработанное в «Справедливые и несправедливые войны» понятие «*supreme emergency*». В чрезвычайных обстоятельствах, по мнению Уолцера, возможным становится исключительное действие по отношению к врагу. Борьба с «непомерно великим злом» должна закончиться не только военным поражением противника (капитуляцией), но и его политическим уничтожением: изменением его государственной структуры (политической реконструкцией). Возможно, это неморальный способ действия, однако на него приходится соглашаться, поскольку альтернативный вариант представляется еще большим злом. К традиционным критериям *jus ad bellum* добавляется случай смены режима. Однако Уолцер вынужден заметить, что вопрос о политической реконструкции режима крайне сложен, поскольку от сил международного сообщества и местных политических сил должны будут не только сместить опасный режим, но и обеспечить послевоенную деятельность по созданию нового демократического правительства.

Однако Уолцер не останавливается и на этом. В статье 2006 г. «Смена режима и справедливая война»¹ он предлагает не ограничивать трансформацию теории справедливой войны развитием идеи смены режима или созданием принципов *jus post bellum*. Уолцер полагает, что «аргумент о *jus ad bellum* должен быть расширен до *jus ad vim*»². Фактически, Уолцер указывает на необходимость разработки теории справедливого и несправедливого использования силы, которая включала бы в себя и теорию справедливой войны, однако рассматривала иные возможные средства политического использования «средств, отличных от войны». В качестве примера таких способов политического давления, «отличных от войны», приводится ситуация сдерживания режима Саддама Хусейна в 1991-2003 г.г. Сдерживание как невоенная мера применения силы не сможет сделать несправедливый режим справедливым, но оно превратит его в относительно безопасный режим. Превентивным войнам нет места в теории справедливой войны, однако Уолцер выдвигает идею превентивных действий.

Обновленная таким образом теория войны, более гибкая и объективная с точки зрения возможности принятия решений, нежели стандартная концепция справедливой войны, и должна обеспечить возможность мирного и гуманного ре-

¹ Walzer M. Regime Change and Just War. Сайт. Нью-Йорк, 2006. URL:<http://www.dissentmagazine.org/article/?article=663> (дата обращения 10.09.2012)

² Право на применение силы. Walzer M. Regime Change and Just War.

шения конфликтов. «Если мы обратимся к силовому сдерживанию жестоких режимов, к коллективной безопасности, мы обнаружим, что способны достичь справедливости без всех этих разрушительных ужасов войны»¹, а в этом и заключается согласно Уолцеру цель теории справедливой войны.

Список литературы

1. Putnam H. Pragmatism: An Open Question. Oxford: Blackwell, 1995.
2. Rescher N. Methodological Pragmatism: A Systems-Theoretic Approach to the Theory of Knowledge. Basil Blackwell; University Press, 1977
3. Walzer M. Arguing about war. Yale University Press. 2004.
4. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration. Basic Books. 1977
5. Walzer M. Regime Change and Just War. Сайт. Нью-Йорк, 2006. URL:<http://www.dissentmagazine.org/article/?article=663> (дата обращения 10.09.2012)
6. Walzer M. Thick and Thin: Moral Argument at Home and Abroad. Notre Dame, 1994.
7. Рорти. Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997.

---

¹ Walzer M. Regime Change and Just War.

Н.К. Абдуов,
соискатель РАНХ и ГС
при Президенте Российской Федерации

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА (ШОС)

Внешнеполитические приоритеты Республики Казахстан основаны на создании благоприятных внешнеполитических условий для эффективной модернизации страны в экономической, политической, социальной сферах с учетом особого геополитического статуса Казахстана, имеющего срединное положение на евразийском континенте, многоэтнический и многоконфессиональный состав населения, достаточный уровень развития экономики. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев отметил, что Казахстан «должен стать мостом между Европой и Азией. Поэтому Казахстан не будет замыкаться только на Азиатском континенте, у страны должен быть разумный баланс между Европой и Азией. Республика Казахстан будет иметь экономические и политические связи со всеми государствами мира»¹. Таким образом, Казахстан придерживается стратегии многовекторной внешней политики.

В ежегодных Посланиях Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева² основное внимание во внешнеполитической стратегии акцентируется на обеспечении эффективной системы безопасности в Центральной Азии, направленной на предотвращение угроз, таких как терроризм, наркотрафик, религиозный экстремизм, нелегальная миграция и др., исходящих, в основном, из сопредельных с регионом стран. Для решения этой задачи предполагается: во-первых, активное участие Казахстана в деятельности межгосударственных объединений — Совещания по выработке мер доверия в Азии (СВМДА), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ); во-вторых, укрепление экономического и политического сотрудничества с соседними странами — Россией, Китаем, другими среднеазиатскими государствами; в-третьих, расширение конструктивного взаимодействия с США, ЕС и НАТО. При этом руководство Казахстана исходит из приоритета общности основополагающих интересов, необходимости достижения взаимовыгодных и взаимоприемлемых подходов к решению любых спорных проблем³.

Республика Казахстан придает огромное значение сотрудничеству в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)⁴. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) создана в 2001 г. на базе механизма «Шанхайской пятерки», сформировавшейся после подписания главами Казахстана, Кыргызстана, Китая,

¹ Жигалов К.В., Султанов Б.К. Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Хроника деятельности (1.12.1991-31.05.1993). Алматы, 1993. С.8-9.

² Официальный сайт Президента Республики Казахстан www.akorda.kz.

³ См. Казахстан в современном мире: реалии и перспективы. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. С.89-90.

⁴ Официальный сайт ШОС: <http://www.sectsco.org/>